

ВСЕГДА НЕОЖИДАННЫЙ ЯШИН

Ц. Воскресенская. А. Яшин и его дети Наташа, Саша

дравствуйте, Александр Яковлевич! Как дети? Здоровы? — так обычно в последние годы я начинала разговор с Яшиным, случайно встречаясь с ним.

— Запомните, — серьезным голосом, но с бесенятами в глазах отвечал Александр Яковлевич, — если у тебя семеро детей*, то кто-нибудь обязательно болен. О, Господи! Почему я должен рожать за весь Союз писателей?! — требуя от меня ответа, наступал Яшин. Я хохотала.

— Стойте! Стойте! Не шевелитесь! — вдруг я услышала окрик на улице. — Снимаю! Но так как я близорука, то, во-первых, не сразу поняла, что это относится ко мне, а, во-вторых, не сразу сообразила, что это приказывает Яшин. Я остановилась — и у меня фотографии у железного заборчика садика (тогда еще был забор у садика) около нашего дома в Лаврушинском переулке. Вот они сейчас лежат передо мной: я с семьей Яшина — его жена Злата Константиновна и дети: Наташа, Злата, Саша. А вот Яшин надписывает мне книгу — свой синий однотомник, а Сашенька подсматривает, что пишет отец. А это я читаю надпись — 54-й год (щелкала нас в это время Злата Константиновна).

Видела я Яшина не часто, но на протяжении многих лет. Встречи наши носили всегда случайный характер. Я редко забегала к ним по какому-нибудь делу. Он редко приходил к нам в дом к отцу. Но это были «их дела», а у меня были «свои дела», и я не вникала в суть «их дел» (О, как теперь я о многом жалею!)

Начало нашего знакомства было еще до войны. Когда Яшин начал учиться в семинаре моего отца — Сельвицкого.

Помню его еще робкого, боявшегося произнести слово, когда он стоял у забора нашей дачи в Переделкине, не решаясь открыть

* У Яшина трое детей от первого брака и четверо от второго. Знаю, как Злата Константиновна (вторая жена Яшина) всегда следила, чтобы Александр Яковлевич был внимателен к своим детям, которые не жили с ним.

калитки. Но мы всегда знали, что он обожает Илью Львовича, и потому наши сердца для него были открыты. Он был всем нам другом.

Пожалуй, самый длительный период нашего общения с ним был тогда, когда мы в одно время отдыхали в Дубултах на Рижском взморье, в Доме творчества писателей.

Он был с семилетней дочерью Наташей и ждал приезда Златы Константиновны. Наташа ко мне очень привязалась, и мы много времени проводили вместе. Я сидела с Яшинными за одним столом в столовой и помню, как «спасала» Наташу во время завтраков и обедов, когда Александр Яковлевич настаивал, чтобы дочь съедала целиком колоссальные порции, которые нам подавались. И, продельвая сложные махинации, нам удавалось убедить папочку, что ребенок все съел и теперь он набирает вес. Наташа была нормально худенькой девочкой, но ведь у всех родителей это «пунктик». Исключения бывают редки.

Александр Яковлевич часто нас возил на своей машине (он на ней приехал из Москвы) то в Ригу, то навестить своих детей от первого брака, которые также отдыхали в то лето на взморье неподалеку от Дубултов. У его старшей дочери Тани прогрессировала близорукость, и отец очень расстраивался из-за этого и все время решал, что делать и как ей помочь. Знаю, что позже он ее возил в Одессу к Филатову.

Шофер Яшин был превосходный. Но скорость всегда была не меньше 120 километров. И я впервые видела, как птицы разбивались о ветровое стекло и по нему стекали капельки крови. Это Яшина огорчало, он как-то болезненно морщился, но скорости не снижал. Однажды мы поехали в Ригу покупать вещи для дачи, которую Яшины в этот год получили в Переделкине. Помню, с каким интересом Александр Яковлевич высматривал предметы: торшер, занавески, всевозможные светильники, пледы, подушки... И все время меня спрашивал: «Ну как, подойдет?» На обратном пути машина была нагружена доверху. (И вспомнилась мне эта поездка лет пять назад, когда семью Яшина попросили освободить дачу. Прожили они на

ней около тридцати лет. Гнездо было разорено.) Еще в Риге Александр Яковлевич покупал подарки членам семьи, но в основном для Златы Константиновны, которая должна была вот-вот приехать. И когда он выбирал вещи для жены, просил меня: «Приложите к себе. Будет виднее». И вот при одной такой «примерке» я обнаружила, что сумка моя открыта и в ней нет денег.

— Вы знаете, у меня украли 300 рублей, — растерянно сказала я, роясь в сумке. «Не может быть. Поищите хорошенько!» — взволнованно приказал Александр Яковлевич. «Да, нет, нет...» — «Может быть, Вы просто не взяли деньги с собой?» — «Да нет, Александр Яковлевич...» — «Ну как нелепо. Ах как неприятно!» У него был такой вид, будто в пропаже виноват был он. И все время Яшин то шутил, то серьезно говорил об этом. Нервничал. И вот тогда, наверное, желая меня утешить, Александр Яковлевич вдруг предложил: «Хотите, я Вам куплю кольцо?» Я опешила от этого неожиданного его желания: «Ну что Вы, Александр Яковлевич...» — «Вот, держите», — и он протянул мне серебряное колечко с тремя черными надрезами, которых тогда было много в рижских магазинах и стоило оно, кажется, рубль с чем-то. Не знаю, есть ли сейчас в Риге такие кольца, но оно у меня хранится до сих пор. И даже иногда его надеваю.

Мне кажется, что Александр Яковлевич ни к чему не относился спокойно — как к малым, так и к большим событиям. Его нервы реагировали тут же, сразу. Он остался в моей памяти человеком «дышащим». Пожалуй, более точного эпитета я не смогу подобрать. Именно «дышащий», потому что «дышал» он весь, а не только его легкие (кстати, которые дышали очень плохо). Покоя в нем не было.

Человек реакции бурной. Наверное, с трудным характером в быту, но вместе с тем дающий окружающим его много неожиданного счастья, «незапланированного». Вдруг сорваться, вдруг вскочить, вдруг побежать — всё — вдруг. Такое у меня осталось от него ощущение. Может быть, я не права.

«Тетя Киса!» — этим именем прозвала меня его дочь Наташа, — и с тех пор стали все Яшины так меня величать. (К сожалению, теперь

перестали: наверное, решили, что уже неудобно старушке говорить «тетя Киса»). «Тетя Киса! — откуда-то доносился голос Наташи, когда я как-то вечером гуляла по берегу моря в Дубултах. — Где Вы? Папа уже лежит в постели и ждет Вас!» «Весь берег» разразился хохотом. Девочка, запыхавшись, подбежала ко мне, схватила за руку и потащила в корпус к ним в комнату. Яшин лежал в постели с горящими глазами. Наверное, у него была температура (он вообще очень часто болел): «Развлекайте меня. Скучно!» И начали мы разговаривать. О чем? Не помню.

Приехала Злата Константиновна. Яшин мне доверительно сообщил: «Поздравьте меня, я снова буду папой». И несмотря на то, что у него должен был появиться седьмой ребенок, Александр Яковлевич производил на меня впечатление человека довольного.

И стали они со Златой Константиновной вставать в 4 — 5 часов утра встречать восход солнца на море. «Вот психи!» — думала я, не представляя, как можно нарушать сон, что для меня всегда было и есть делом «святым».

Но вот помню внутренне собранного Яшина.

События нашего дома доходят до нашей семьи с опозданием, так как никто из ее членов «не забывает козла» во дворе.

Так и на этот раз. Я узнала о трагическом конце его восемнадцатилетнего сына Саши в день похорон, вернее, уже после них, когда все вернулись с кладбища. Тут же побежала к Яшиным. Александр Яковлевич с каким-то мужчиной стоял у себя в кабинете за письменным столом и о чем-то разговаривал. Он был очень подтянут. Не «дышащий». Я поцеловала его. Ничто не дрогнуло в нем. Не изменилось. Он ровно сказал: «Пройдите к Злате Константиновне»

Открыла дверь в комнату, где за столом сидели люди. В это время Злата Константиновна стояла и говорила, я услышала ее слова: «Дай бог нам сил, чтобы вынести все, что пошлет нам судьба». Да, что пошлет судьба...

Семья Яшиных мне всегда казалась очень интересной. И Злата Константиновна, и все дети. Каждый член семьи — личность. Помню,

что я сказала дома, когда вернулась после отдыха на Рижском взморье: «Вы представляете, и эта маленькая семилетняя девочка — тоже личность». И это правда.

Пришла телеграмма от Яшина в день похорон Ильи Львовича Сельвинского (Александр Яковлевич был уже смертельно болен и лежал в больнице в Вильнюсе). Телеграмму принесли в момент выноса тела. Была она адресована не нам, семье, как все остальные телеграммы и письма, а ему, Сельвинскому: «Прощай, дорогой друг и учитель. Александр Яшин». А потом мне рассказывала Злата Константиновна, как Александр Яковлевич мучился, что неточно написал: «Надо было — до свидания». Не стало Яшина через два месяца после смерти Сельвинского. Сил у меня не хватило идти на его похороны... Но яшинское тепло, его «неожиданность» живут во мне.

1981г.